

Заметив его, тот сразу оживился и радостно сказал:

— Цзыци! Слышал, вы сюда перебрались. Мы вдвоём пришли помочь, а ещё вот — это мама велела передать.

Чжун Цзыци приятно удивился:

— Передай от меня тётушке благодарность. Прямо в самый нужный момент — я как раз ломал голову, чем укрыться сегодня ночью.

— Да брось ты! Если тебе что-то нужно — просто скажи. Мы с тобой разве чужие? — с лёгким упрёком отозвался Чжао Нин.

Цзыци понял: излишняя вежливость только отдаляет. А уж если у него появился такой друг — тем более стоит дорожить этим.

— Хорошо, тогда придётся вас с братом Шэном немного напрячь — помогите мне с уборкой.

Старшего брата Чжао Нина звали Чжао Шэн. Он уже был помолвлен и после осеннего сбора урожая собирался жениться. Человек он был такой же простой и честный, как и его отец.

Вчетвером работать было куда быстрее, чем вдвоём. И пусть Чжао Чжэнъань казался простоватым, в работе он был на удивление ловок — даже Чжун Цзыци не мог за ним угнаться. Тот только диву давался, причмокивая от изумления, а Чжао Нин вздыхал: мол, жаль такого парня.

Провозились всё утро, и к полудню в доме уже можно было жить. Цзыци собирался сходить на огород семьи Чжао, чтобы нарвать овощей и приготовить еду, но вдруг неловко осознал: у него нет ни приправ, ни толком кухонной утвари.

В конце концов Чжао Нин, не придавая этому значения, сказал:

— Ладно, сегодня не думай об этом. Ты только переехал — у тебя ничего нет, ещё и разбирать всё надо. Вот когда обживёшься — тогда мы придём к тебе на угощение.

— Тогда... спасибо вам огромное.

— Ну вот, опять за своё? Пошли лучше к нам — поедим у нас!

— Нет, не стоит. У меня дома есть рис, сегодня как-нибудь перебьёмся. А завтра я съезжу в город и всё куплю, — Цзыци смутился. Они и так помогли, и вещи принесли — как тут ещё напрашиваться на ужин? Поэтому он вежливо отказался.

Проводив гостей, Чжун Цзыци закрыл ворота и, обернувшись, посмотрел на Чжао Чжэнъаня, который вышел вслед за ним.

— Голоден? Я пойду готовить.

Чжао Чжэнъань потрогал живот и честно ответил:

— Голоден. Он всё время урчит.

Цзыци рассмеялся. Вернувшись в дом, он расстелил постель и велел Чжэнъаню немного отдохнуть, а сам отправился на кухню. Там стало чище — и одновременно ещё более пусто. Он

тщательно промыл грубый рис, поставил вариться, добавил немного овощей и щепоть соли — получилась простая овощная каша.

Чжао Чжэнъань ел с жадным аппетитом, шумно прихлёбывая. Дома отец с матерью не давали ему наедаться досыта... А вот его «жена» — совсем другое дело: ешь сколько хочешь.

В суете день пролетел незаметно. Когда пришло время ложиться спать, Чжун Цзыци задумался: в доме ведь две комнаты — вовсе не обязательно им ютиться вдвоём. Но стоило ему заикнуться об этом, как он тут же столкнулся с бурной реакцией:

— Жена, я хочу спать с тобой! Ты что, больше со мной не хочешь? — у Чжао Чжэнъаня тут же покраснели глаза, и он крепко вцепился в Цзыци, не желая отпустить.

Чжун Цзыци глубоко вздохнул, про себя ворча: «у тебя что, слёзы совсем ничего не стоят? Стоит сказать слово — и уже готов разрыдаться. Тебе бы в актёры... И я ведь не говорил, что не хочу с тобой. Не будь таким чувствительным, ладно? Ты меня этим только смущаешь.»

— Жена... жена... хочу спать с тобой.

Цзыци нахмурился и сказал:

— Если перестанешь звать меня «женой», тогда я буду спать с тобой.

И тут же сам почувствовал, что фраза прозвучала как-то... странно.

Но Чжао Чжэнъань упрямо мотнул головой:

— Ты моя жена. Надо звать «женой».

Цзыци не знал, смеяться или плакать:

— А ты вообще понимаешь, что значит «жена»?

— Это тот, с кем спят, — уверенно ответил Чжао Чжэнъань, внутренне даже немного гордясь: он ведь это где-то слышал.

Ну вот... всё окончательно перепуталось, и распутать уже невозможно. Цзыци только беспомощно закатил глаза, рухнул на кровать и швырнул подушку всё ещё сидящему столбом парню.

— Спать.

Сказав это, он повернулся на бок и закрыл глаза.

Позади послышалось шуршание, и вскоре тёплое тело осторожно прижалось к нему. Чужая рука легла на его талию. Цзыци нахмурился, снял её. Через мгновение рука снова вернулась. Он снова убрал её и предупредил:

— Не клади на меня руки.

Чжао Чжэнъань тихо протянул обиженное «о», больше не осмелившись обнимать его. Когда «жена» злится — это и правда страшно.

Убедившись, что тот успокоился, Цзыци наконец расслабился и уснул. После целого дня работы усталость взяла своё.

А Чжао Чжэнъань, убедившись, что «жена» заснул, осторожно снова протянул руку и обнял его за тонкую талию. Не встретив сопротивления, он довольно улыбнулся и вскоре тоже погрузился в сон.

На следующее утро, когда Чжун Цзыци проснулся, уже было совсем светло. Он сладко потянулся, оделся и, увидев, что Чжао Чжэнъань ещё крепко спит, не стал его будить. Выйдя во двор, он набрал воды, умылся и принялся готовить.

Когда еда была готова, из комнаты донеслись торопливые, тревожные крики:

— Жена? Жена?!

Цзыци поспешно выбежал наружу и увидел, как Чжао Чжэнъань мечется в поисках, глаза уже покраснели.

— Я здесь!

Тот сразу подбежал и крепко обнял его.

Цзыци неловко пошевелился, чувствуя лёгкое смущение, но затем вспомнил, что перед ним всего лишь человек с детским разумом, и мягко сказал:

— Я же говорил, что не брошу тебя. Я готовил. Понюхай — уже всё готово. Иди умывайся, будем есть. После завтрака я возьму тебя с собой в город.

Внимание Чжао Чжэнъаня тут же переключилось, и на лице появилась радостная, предвкушающая улыбка.

Цзыци отправил его в главную комнату ждать, а сам понёс туда кашу. По дороге он задумался: Чжао Чжэнъань всё-таки отличается от других «дурачков». По крайней мере, он послушный и не доставляет хлопот — скорее как ребёнок лет семи-восьми: любопытный ко всему и одновременно боящийся, что его бросят. Интересно, сможет ли он восстановиться? Наверное, стоило бы показать его врачу... Хотя, если он вдруг вернёт память... кхм, нет, лучше не думать об этом. Всё решится само, когда придёт время.

После еды Чжун Цзыци запер ворота и повёл Чжао Чжэнъаня в сторону города. Они направлялись в посёлок Циншуй — дорога от деревни Чжао занимала около получаса. Цзыци на ходу нащупал в кармане связку медных монет, прикидывая, надолго ли их хватит. Пока в доме нет дохода, придётся экономить.

— Чжэнъань, скажи... когда ты дома, у тебя не болит голова? Не кружится? — вспомнил он, что тот, кажется, прекратил принимать лекарства, хотя ещё не до конца выздоровел.

Чжао Чжэнъань наклонил голову, глядя на него:

— Не кружится. Только иногда болит... немного.

Похоже, всё-таки стоит показать его врачу. Денег и так немного, но хотя бы на душе станет

спокойнее.

Добравшись до посёлка Циншуй, Чжун Цзыци крепко взял Чжао Чжэнъяня за руку и серьёзно предупредил:

— Держись рядом со мной, понял?

— Понял, жена, — Чжао Чжэнъянь покачал их сцепленные руки, но взгляд его уже разбежался по сторонам — яркие лавки и всевозможные товары тут же захватили всё его внимание.

Цзыци и сам с интересом оглядывался по сторонам, время от времени останавливаясь, расспрашивая цены. К его удивлению, всё оказалось даже дешевле, чем он ожидал. Правда, это были лишь мелочи — за одеждой и более нужными вещами нужно было идти глубже в торговые ряды.

И тут как раз перед ним показалась лекарская лавка. Он тут же потянул Чжао Чжэнъяня внутрь.

За прилавком сидел пожилой лекарь лет пятидесяти. Увидев Чжао Чжэнъяня, он заметно удивился, а затем перевёл взгляд на Цзыци:

— Ты ему кем приходишься?

— Эм... я его... муж, — спокойно ответил Цзыци, — вы его знаете?

Лекарь погладил длинную бороду:

— Как же не знать. Его голову как раз у меня и лечили.

— Тогда скажите, каково его состояние? Есть ли шанс, что он восстановится? — поспешно спросил Цзыци.

Лекарь покачал головой:

— Честно говоря, я и сам не уверен. Полагаю, в затылке у него образовался сгусток крови — из-за этого он и стал таким. Восстановится он или нет — не мне решать. Может, уже завтра внезапно придёт в себя... а может...

Цзыци молчал. А может — никогда. Это был самый худший из вариантов, о котором он и так догадывался, но услышать это вслух оказалось всё равно тяжело.

— Значит... ему нужно продолжать принимать лекарства?

— Он уже давно их не принимает, и никаких осложнений не появилось. Значит, лекарства для него больше не играют роли. Всё теперь зависит от судьбы.

Поблагодарив лекаря, Цзыци вывел Чжао Чжэнъяня на улицу и некоторое время молча шёл вперёд.

— Жена... не грусти. Дурак будет послушным...

Цзыци обернулся и улыбнулся:

— Я не грущу. И я же говорил — не называй себя дураком. Пойдём, купим всё, что нужно.

В конце концов, жизнь сейчас у них не такая уж плохая. Можно просто... относиться к нему как к ребёнку, как к младшему брату. Даже если он не восстановится — тоже ничего страшного. Он будет рядом... Так почему же ему грустно? Наверное, просто мысли в голове перепутались.

Они свернули на улицу с лавками. Окинув взглядом ряды, Цзыци решил начать с самого необходимого.

Сначала они зашли в лавку с рисом и мукой. К ним тут же подскочил приказчик:

— Что желает господин? У нас всё есть, и цены самые доступные!

По оживлению в лавке и по тому, какие люди туда заходили — в основном такие же небогатые, как он сам, — Цзыци понял: цены здесь действительно честные.

Он подошёл посмотреть: грубый рис стоил два вэня за цзинь, а белый рис и пшеничная мука — уже по пять. Были и более дорогие сорта — по десять вэнов за цзинь.

Немного подумав, он всё же взял по десять цзиней белого риса и муки. Заплатив, Цзыци вдруг понял, что прийти без ничего — не самая умная идея. К счастью, на улице продавались корзины: за четыре вэня он купил две. Разложив покупки — по одной каждому на спину — они направились в лавку приправ.

Там он купил десять цзиней соли. Соль стоила целых десять вэнов за цзинь — неудивительно, что на ней так наживаются. Без неё не обходится ни одна семья, поэтому государство строго контролирует её продажу — даже цена установлена законом.

Ещё он взял десять цзиней рапсового масла (по пять вэнов за цзинь), немного перца, специй, соевого соуса, уксуса и — скрепя сердце — дорогуший сахар.

После этого они пошли к мясной лавке. Раз уж пришли — надо взять мяса.

Мясник громко окликнул:

— Что желает господин? Всё свежее!

— Сколько стоит?

— Сало — пять вэнов, грудинка — пять, постное мясо — четыре, кости и рёбра — по три.

— Тогда два цзиня сала, два — грудинки, и по три — рёбер и костей.

— Сейчас всё будет!

Пока он отсчитывал деньги, взгляд Цзыци упал на отброшенные в сторону субпродукты — кишки, печень, лёгкие.

— А это сколько стоит?

— Да это выбрасывать собирались. Если хотите — забирай бесплатно, — щедро махнул рукой мясник.

— Тогда большое спасибо, заверните, пожалуйста.

Расплатившись, Цзыци ещё прикупил иголки, нитки, миски, ковшики и прочую утварь — и наконец решил возвращаться домой.

Деньги уже были потрачены больше чем наполовину... Такими темпами долго они не протянут.

<http://bllate.org/book/16132/1591814>